

Я все еще слышу гром аплодисментов, снова и снова вижу этого вымазанного гримом юношу — вот он стоит, весь в поту, и хрипит, держась одной рукою за сердце, а другой за край декорации, а то и просто бессильно обвис на стуле. Сейчас его обрызгают водой, отхлещут по щекам, встряхнут — и он снова выйдет на сцену, приветствуя зал улыбкой.

Жан Кокто

КОШКИ-МЫШКИ

Париж, ночь накануне 29 мая 1912 года

Париж — город, в котором все хотели жить и никто не хотел умирать. Здесь каждый камень дышал смертью. Любители прекрасного предпочитали называть ее «историей», но Габриэль Лемуар не питал иллюзий. Там, где много истории, нет места для молодых.

Или есть? Лемуар перепрыгнул через выбоину на набережной Орфевр и посмотрел на Сену. Вода в реке волновалась, как Николь, идущая рядом. Журналистка из газеты *Le Petit Parisien* была такой же живой и непредсказуемой, как парижская река. Она могла выйти из берегов, подобно Сене, и затопить собой весь мир. Мир Лемуара.

Николь беспечно болтала о завтрашнем спектакле в театре «Шатле». Лемуар пригладил свои пышные черные усы и прижал девушку поближе. Николь пробудила в нем надежду, что жизнь хоть на краткий миг может победить холод вековых парижских камней. И пусть он не любит театр, завтра Лемуар наденет свой лучший фрак и пойдет с Николь на премьеру спектакля. Он снова заживет нормальной жизнью. Где будет молодость и тепло близкого человека.

У входа на улицу Дофина их встретила ночь. Обычно по этой узкой улочке возвращались домой только местные жители. Тусклый свет газового фонаря отражался в глазах затаившихся бездомных котов. Николь невольно поежилась от порыва ветра. Лемуар накинул на плечи своей спутницы платок — в руке отозвалась боль от недавнего ранения.

А потом они шагнули во тьму, и Лемуар услышал, как сзади по неровным камням мостовой стукнули чьи-то каблуки.

— Только приходи вовремя, я выпросила билеты через своего главного редактора. Если опоздаем, билетов мне больше не дадут. Там завтра будет весь Париж, — звенел рядом голос журналистки. Но было что-то еще. Лемуар закрыл на секунду глаза. Шаги сзади стучали так же, как туфли Николь. Ток-так, ток-так...

На узкой пустынной улице цоканье каблуков звонко взлетает до последнего этажа зданий. Странно. У всех людей разная поступь. Никто не будет идти за прохожим, подстраиваясь под его темп. Если только это не... Лемуар резко остановился. Тишина.

Николь с удивлением на него посмотрела.

— Что с тобой?

Лемуар обернулся. Никого нет. Ему почудилось? Они пошли дальше. В этой части улицы сильно воняло мочой и мертвыми крысами.

— Ток-так, ток-так...

Нет, Лемуару не показалось: за ними действительно кто-то шел. И у этого человека было необыкновенное чувство ритма.

На перекрестке Лемуар подтолкнул Николь, чтобы скорее повернуть за угол.

— Что ты де... — не успела девушка опомниться, как сыщик закрыл ей рот рукой и жестом показал: «Продолжай идти дальше». Николь вытаращила на него глаза.

— Иди вперед! Быстрее!

Девушка в растерянности пошла по улице Пон-де-Лоді. Идущий за ними человек должен был слышать удаляющиеся шаги.

— Ток-так, ток-так...

Он уже близко. Оружия у Лемуара с собой не было, поэтому свободной рукой он схватил чугунный ключ

от своих комнат, оставляя прорезной конец выступать на пару сантиметров наружу.

Человек вышел из-за угла и посмотрел вслед Николь. В этот момент от стены отделилась черная тень Ленуара.

— Зачем вы следите за мной, мадемуазель? — произнес он низким голосом.

Перед ним стояла растерянная девушка с пухлыми губами. От неожиданности она замерла, и ее губы приоткрылись. Где-то наверху хозяин комнаты с мансардой громко захлопнул ставни окна.

— Объяснитесь, я жду, — Ленуар не любил долго играть в кошки-мышки. Особенно когда хвостик у мышки уже прижат мышеловкой.

— Габриэль? Кто это?.. — спросила из-за спины Николь.

— Это не имеет значения, мадам, — ответила незнакомка. — Если вы не возражаете, я бы хотела поговорить с вашим спутником наедине.

— С какой стати вы хотите поговорить с ним сейчас, ночью? — Николь, как властная царица Востока, взяла сыщика под локоть и добавила: — Габриэль, кто это? Скажи ей, чтобы пришла к тебе завтра в официальные часы приема.

— Нет. Я не могу так долго ждать. Мне нужно понять, что делать дальше, — сказала девушка. При этом она, смутившись, опустила руку себе на живот и отвела глаза.

— Она ждет от тебя ребенка?! — с искренним изумлением спросила Николь.

— Ребенка? От меня? — удивился Ленуар. Ночная встреча начинала походить на фарс. — Если дело действительно важное и конфиденциальное, объясните мне, что случилось, и сейчас же.

Девушка закрыла глаза и, собираясь с духом, кивнула. Глаза же Николь, наоборот, округлились.

— Вы Габриэль Лемуар? — спросила незнакомка.
— Что вы хотели мне рассказать? — начинал злиться Лемуар.

— Это вы или нет?

— Я.

Девушка с облегчением вздохнула и поправила ворот своего летнего манто.

— Значит, я не ошиблась. Мне посоветовал обратиться к вам один художник, Александр Мансуров. Меня зовут Бронислава Нижинская, и я хотела поговорить с вами по поводу моего брата.

— Вы сестра Вацлава Нижинского?! — спросила Николь. Услышав это имя, девушка тут же преобразилась. В ее глазах сверкнуло животное любопытство.

Габриэль с тоской посмотрел на свои часы. В нем начинала закипать кровь.

— Кто это? Он кого-то убил?

Нижинская мелко затряслась, словно подул холодный ветер.

— Мой брат — не убийца!

— А кто он?

— Он гений. Гений танца.

— Вы из-за этого за нами шли? Чтобы сообщить мне, как любите своего брата? — в голосе Лемуара зазвенел металл.

— Габриэль, завтра мы пойдем в театр на его спектакль. Нижинский — звезда русского балета, — зашептала Николь.

— Да, то есть... В общем, я хотела сказать вам, что... — с трудом подбирала слова Нижинская, — моему брату угрожает опасность. Ваца с Сергеем Павловичем остановились в отеле, куда сегодня приехал один из танцовщиков труппы, и...

— И что? — не выдерживал больше Лемуар.

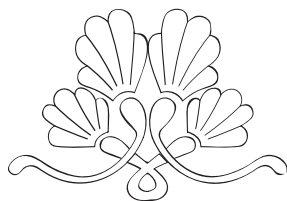
Бронислава Нижинская подняла руки к его лицу. Ладони девушки отливали черным цветом.

— Моего брата хотят убить, — тихо сказала Бронислава Нижинская.

Сыщик замер на перекрестке. Дома его ждала постель. Рядом стояла Николь. Еще несколько минут назад она была такой близкой, а теперь глаза журналистки ярко загорелись огнем чужой истории. Надежды на спокойную ночь рухнули.

— Мадемуазель Нижинская, вы правильно сделали, что обратились к Габ... к мсье Лемуару. Мы вам поможем, — сказала Николь.

На последнем этаже соседнего здания кто-то снова хлопнул ставнями. Краем глаза Габриэль Лемуар уловил движение. В сторону улицы Пон-де-Лоди быстро метнулась крыса. Почти с такой же скоростью за ней мчался черный кот. Мышеловка захлопнулась. Только теперь агент бригады краж и убийств парижской префектуры полиции угодил в нее сам.

Глаза звериного бога

Париж, 29 мая 1912 г., среда

В балетной труппе его прозвали Чумой. Какую роль ни дай — он ею заразится, а потом заразит всех артистов, гримеров, осветителей, реквизиторов и даже капельдинера. Ему это прощали. Ему все прощали, потому что Чума заражал своими танцами зрителей. На сцене он полностью перевоплощался в своего персонажа. Каждый жест, каждый изгиб руки, каждый прыжок Чума репетировал как сумасшедший. Как все танцовщики, которых Сергей Павлович брал в свою антрепризу.

Сегодня Чума был в Париже, и лучи майского солнца казались артисту настоящими лучами славы. Дягилев его выбрал, а значит, впереди новые спектакли в Монте-Карло, в Италии, в Англии... Настал конец их скромной жизни с матерью и сестрой. Сколько они пережили, пока Чума учился в Императорском Санкт-Петербургском театральном училище! И вот он здесь, в самом центре мира искусств, в центре французской столицы, перед театром «Шатле», где сегодня будут показаны четыре спектакля «Русского сезона».

Молодой танцовщик поправил волосы, подошел к двери и представился. Охранник его пропустил. Фух, как жарко! У входа, кроме французов, никого не было. Чума поднялся на второй этаж и заглянул в зал. Оркестр репетировал музыку Гана из «Синего бога». Артисты уже собрались на сцене и слушали указания главного хореографа дягилевской антрепризы Михаила Фокина. Сам Дягилев чинно сидел в партере с груп-

пой приглашенных гостей, без которых не обходилась ни одна репетиция. Французские критики, журналисты и неугомонный Жан Кокто.

Чума улыбнулся. Он всегда так улыбался, когда задумывал проказу. Вот Дягилев удивится! И какую физиономию скорчит его верный старик Василий! А Броня наверняка снова испугается. Вот выйдет потеха!

Артист поправил цветок в нагрудном кармане и, оглядевшись, быстро подошел к элеватору. Да благословенны будут эти железные машины современных театров! Так он поднимется, не привлекая к себе лишнего внимания. А если сегодня все получится, то за один вечер Чума поднимется на самую вершину театрального Парнаса.

На двери уборной было написано Nijinsky. Чума вошел, вытащил из своей брезентовой сумки старую прямоугольную коробочку с гримом и прислушался. Внизу звучала музыка Гана, за окном шумел город.

Василий уже приготовил костюм для премьеры. Чума поспешно сбросил с себя одежду, надел трико и начал гримироваться. Они запомнят этот день надолго. Черным от грима пальцем артист покрасил веки, подвел брови... Нижинский сегодня представит настоящего Фавна. Публика заразится его танцем. Чума хмыкнул и водрузил на голову сделанные по специальному заказу Бакста рога. Образ готов!

Танцовщик мягко вскочил на пол и сложил руки так, словно принимал в дар гроздья спелого винограда. Музыка стихла. Чума по-звериному повернул голову в сторону двери. Никого.

Чума сделал несколько па перед зеркалом и вздохнул. Деревянные половицы паркета нещадно скрипели. Это тебе не сцена.

Но что там за темное пятнышко у вазы? Краска от грима? Артист поскреб ногтем пол и понюхал. Пахло жваччиной. Наверное, костюмерша уколола палец

иголкой... Или капельдинер поцарапал руку о шипы роз, когда заносил букеты цветов... Чужих цветов...

От этих мыслей танцовщика затошнило. Еще пару минут назад ему казалось, что трико прекрасно обтягивало тело. Теперь черные пятна костюма расплывались, умножались и устремлялись от ног к горлу. Танцовщик оперся было на зеркало, но холод стекла так быстро пробрался от пальцев до самых кончиков волос, что он отдернул руку.

В коридоре что-то щелкнуло, и в уборной погас свет. Вероятно, очередное замыкание. Такое иногда случается, ничего удивительного. Артист вышел в коридор и повернул штепсель на стене. Люстра снова загорелась. Он вернулся. Все выглядело так же. Шкаф, стул, кисточки на туалетном столике... Только теперь со стены напротив на него смотрели черные глаза Фавна. Рога бога качнулись, и артист невольно вздрогнул. Что за наваждение! Это же просто зеркало! Он снова устроился за туалетным столиком и решил поправить грим.

В коридоре скрипнул пол. Кто-то подошел к двери. Чума выпрямился. Судя по шагам, это Дягилев! Или Василий... Танцовщик встал перед зеркалом в позу Фавна и приготовился сыграть со стариком шутку.

Внизу снова зазвучала музыка. Танец служителей из «Синего бога». Значит, репетиция продолжается. Литавры заиграли тот же мотив: «Пам! Пам! Пам!» Никто не заходил. Танцовщик снова посмотрел на себя в зеркало и подул. Стекло запотело. Артист нарисовал на нем круг и поставил в центре точку.

— Нижинский? — раздался голос из-за двери.

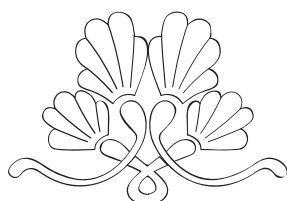
Танцовщик расплылся в звериной улыбке и ответил:

— Да.

Дверь медленно отворилась. Нет, это не Василий... Василий обычно не задерживается у входа. В центре

нарисованного круга появилось дуло револьвера. Артист решил, что ему кажется. Должно быть, это игра света и тени.

Литавры снова застучали: «Пам! Пам!..» В унисон с третьим ударом раздался выстрел. Падая на пол, танцовщик подумал, что паркет театральной уборной снова запачкается.

Мигрень

Париж сегодня сошел с ума. Все бежали, неслись по своим делам, стараясь не замечать друг друга. Лемуар тоже торопился. Вчера ночью он дал слово Брониславе Нижинской, что после спектакля зайдет к ней поговорить в более спокойной обстановке, а утром обещал Николь, что приедет в театр вовремя. До начала спектакля оставалось полчаса.

Велосипед «Ласточка» катил по улицам Парижа, и фалды нового фрака Лемуара развевались на ветру. В голове гудела головная боль. От чистильщика обуви на перекрестке у Сен-Жерменского аббатства, как обычно, несло ваксой, и сегодня это раздражало Лемуара почти так же, как запах прогнивших овощей из лавки Пурье. Нерадивый продавец не нашел ничего лучшего, как выставить ящики с испортившимся товаром на солнце прямо перед магазином.

На следующем перекрестке движение остановилось. Лошадь старого фиакра отказалась пропускать автомобиль. Шофер и кучер рыкали друг другу в лицо отборные ругательства. Их голоса эхом резонировали в голове Лемуара. Он быстро объехал собравшуюся толпу и вырулил к бульвару Сен-Мишель.

Солнце палило сильнее, чем обычно. От людей пахло пылью и потом. От машин воняло топливом. Сзади по рельсам зазвенел трамвай «Малакóфф-Ле Аль». Голова у Лемуара шла кругом. На площади Сен-Мишель сержант в каске и в военном костюме с двумя рядами пуговиц взмахнул белой палочкой, чтобы все остановились. Лемуар притормозил у тротуара и на мгновение закрыл глаза.

В ушах гудело. Затем послышался детский голосок. Он сначала тихо, а потом все громче и громче напевал песенку на мотив «Польки англичан»:

Отправляясь вокруг света,
Из Англии с приветом,
Друзья ради афиш
Спешат-спешат в Париж.

Ленуар открыл глаза. Перед ним стояла девочка в школьном платье и потрепанных гольфах. Мама о чем-то спорила с подругой и готовилась перейти дорогу. Девочка напевала песенку и подпрыгивала на одной ножке. Один сандалик расстегнулся. Все спешили.

Они берут с собой сэндвич — Ao! Yes! Very well!
Плоский, как кирпич! — Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!
Плоский, как кирпич!

Парижане начали переходить дорогу. В голове Ленуара громко звучала песенка. Сзади приближалась громада двухэтажного трамвая. Слева шумел фонтан. Сержант повернулся, и трамвай загудел. Головная боль набирала обороты.

Мама со своей спутницей уже перешли дорогу, не замечая, что девочка потеряла на рельсах сандалик, а теперь, так же подпрыгивая на одной ножке и распевая «Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!», нагнулась, чтобы поднять порванную обувку. Все спешили по своим делам. Трамвай подъезжал ближе. Водитель смотрел вперед, на остров Сите. Он тоже спешил.

Ленуар крикнул:

— Стой!

Но остановилась только девочка. Один гольфик сполз до щиколотки. Она смотрела на трамвай и не могла сдвинуться с места. Время тоже замерло.

Черт! Ленуар схватил «Ласточку» и бросил велосипед под колеса трамвая. Затем он с силой дернул дев-

чушку за руку. Оба упали прямо на мостовую. Девочка разбила до крови коленку и локоть. Заплакала. Рядом раздались вопли. Спицы «Ласточки» прогнулись. От колес трамвайных тормозов в разные стороны полетели искры. «Ласточка» осталась «без ног»...

Мама девочки подбежала к Лемуару. Она держалась за сердце и причитала, а потом долго обнимала дочь. Девочка прижималась к матери. Все движение на площади Сен-Мишель остановилось. Водитель выскочил из трамвая. Сержант подбежал к нему и громко что-то кричал. Пешеходы задыхались от жары. Больше никто никуда не спешил.

В этой суете Лемуар медленно поднял свой искалеченный велосипед с дороги, взвалил на плечо и понес на остров Сите в казарму. Там должны починить.

Когда он появился в театре «Шатле», первые два балета уже закончились.

— Вы опоздали! — строго сказал капельдинер у входа в партер. — Больше мы никого не пропускаем.

Лемуар не любил использовать свое положение, но, подумав о том, как отреагирует на его отсутствие Николь, кивнул и представился:

— Агент Безопасности Габриэль Лемуар, из бригады краж и убийств. Я здесь по долгу службы.

Капельдинер замаялся, но вид агента Безопасности вполне соответствовал его представлениям о том, как должны выглядеть сыщики: пыльные туфли, растрепанные волосы и помятый фрак. Старик покачал головой и сказал:

— Понятно. Прошу за мной. У нас случилось несчастье.

Хаотичная КОМПОЗИЦИЯ

— Мсье Лемуар? Мсье Лемуар, Сергей Павлович сказал, что вы полицейский, это правда? — несмотря на свой уже преклонный возраст, вцепившийся ему в руку старичок держался прямо. Если бы не привычка каждые две секунды вытягивать губы вперед и не славянский выговор, то его вполне можно было бы принять за швейцара отеля Meurice, которого послали не вызывать Лемуара, а доставить важное сообщение английскому королю Георгу V.

— Кто такой Сергей Павлович? — вместо ответа спросил Лемуар.

— Серж де Дягилефф! — потряс программкой у носа Лемуара старичок и покрепче схватил официального представителя парижской префектуры за локоть. — Я Василий, его слуга. Идти за мной. Быстро!

В этот момент Василий показался Лемуару потомком тех казаков, которые в 1814 году в Париже требовали поскорее сервировать им обед и так часто подгоняли нерасторопных официантов криками «Быстро!», что предприимчивые французы, пытаясь отмежеваться от своих медлительных конкурентов, начали вывешивать на свои закусочные надпись «быстро».

Из задумчивого состояния Лемуара снова вывел старичок. Сыщику пришлось на себе почувствовать, что значит «быстро». Не сгибая спины, Василий зашагал в сторону лестницы. А затем, без трости переступая по красному ковру через ступеньку, понесся наверх.

Начался антракт, но здесь еще никого не было. Зрители, словно жужжащие пчелы, только-только появлялись в коридорах. Слово на мед, весь улей медленно

устремлялся в главное фойе. Дамы, не торопясь, ждали подъемную машину. Официанты уже встречали первых зрителей в белом зеркальном салоне и предлагали всем шампанское.

Через три минуты Василий открыл перед Ленуаром дверь чьей-то уборной и прошептал:

— Это тут. Нижинский... Надо сменить костюм.

— Здесь? — Ленуар показал пальцем на уборную.

— Менять костюм — в коридоре. Тут — другое. Я все приготовить. У вас есть двадцать минут. Убрать труп. Я держать оборона.

Слуга Сержа де Дягилефф помахал кулаком, затем втолкнул Ленуара в уборную и закрыл за ним дверь.

Официальный представитель парижской полиции огляделся. На полу лежал обнаженный человек. В голове у этого господина была аккуратная дырочка, и из нее вытекала кровь. Значит, он опоздал? И на спектакль, и на более обстоятельный разговор с Брониславой Нижинской?

Николь, наверное, волнуется, что Ленуар так и не пришел в театр. Если бы она только знала, на какую выразительную театральную постановку пригласили Габриэля на пару этажей выше...

Сцена перед его глазами тоже напоминала дурную декорацию с заявкой на эпатаж. Впрочем, все это к лучшему. Обычно агента Безопасности из бригады краж и убийств вызывали по конкретному делу, когда и жертва, и обстоятельства убийства были уже известны. Сегодня все выходило наоборот. Ему не сказали даже имени трупа. Старичок втолкнул сыщика в совершенно незнакомый ему мир. Значит, суфлировать здесь никто не будет. И значит, сыщик мог делать любые наброски картины произошедшего убийства.

Ленуар взглянул на свои карманные часы, провел указательным пальцем по черным усам и приступил к работе.

Волосы убитого были взъерошены. Голова лежала на боку, и лужа крови под ней растеклась ровным кругом. Только левая часть головы и щеки были запачканы кровью, а выходило, что голову после убийства не двигали и убийца стрелял сзади. Если мысленно проследить траекторию пули, то она вылетела из оружия со стороны двери. Штрих первый.

Тело, в отличие от головы, лежало на спине в естественной для упавшего человека позе: руки вытягивались в слишком прямую линию, впрочем, как и ноги убитого. Значит, тело после убийства передвигали. Штрих второй.

Лицо жертвы было густо измазано черным гримом. Черная краска темнела также на среднем пальце правой руки убитого. Судя по его фигуре и длинным мускулистым ногам с ярко выраженными артритными фалангами пальцев, перед сыщиком лежал труп танцовщика. Штрих третий.

Ленуар присел и слегка приподнял левое веко убитого: пятна Лярше еще не проявились. Получается, что со времени смерти молодого человека прошло не более пяти часов. На вид жертве было примерно двадцать лет. Штрих четвертый и последний. Первый набросок убитого был готов. Часы показывали, что прошло уже семь минут. Оставалось тринадцать.

Сыщик продолжил осмотр. На полу у ширмы валялись вещи и брезентовая сумка. Возможно, они принадлежали жертве. На глаз определить трудно, а трогать пока ничего нельзя. Сыщик достал свою записную книжку и стал записывать.

На полу стояли вазы с цветами. Белые и розовые розы. Из самого маленького букета торчал красный прямоугольник помады и записка. На туалетном столике все предметы были разбросаны в том виде, который Ленуар называл «хаотической композицией».

Из рамки зеркала торчали две карточки с фотографиями и подписью «Вацлав Нижинский». На одной из них он стоял в коротком платье и без грима в позе Синего бога. На второй Нижинский аккуратно сидел на стуле в черном костюме и задумчиво смотрел на фотографа. Лемуар сравнил изображение с телом на полу. По сложению и чертам лица оно напоминало русского танцовщика, но все-таки убитый был не Вацлавом Нижинским.

У ножек туалетного столика были царапины, словно его совсем недавно придвинули к стене. На туалетном столике лежала открытая коробочка с гримом, а слева ее охранял стаканчик с острыми кисточками. Здесь же валялись карандаши с затупленным грифелем и еще несколько открытых писем с видами Парижа. У одной из карточек — массивное платиновое кольцо с сапфиром. Справа лежали закрытые коробки конфет, а сверху — искусственные цветы. Всю композицию объединяли в одно целое два флакона одеколona и большой кувшин с водой и плавающими в ней дольками лимона.

Поднимая взгляд выше, на зеркало, Лемуар увидел жирный след от руки. Он подул на него, и рисунок в форме круга с точкой посередине проявился четче.

В этот момент дверь открылась, и Василий изумленно спросил:

— Труп не убрать? Вы же полицейский!

— Я агент из бригады краж и убийств, а не уборщик, — сделал легкий поклон Лемуар.

— Но... Если сюда прийти репортеры, большой скандал!

— Вы же сказали, что готовы держать оборону? — Лемуар медленно снял перчатки. Василий вошел в уборную и запер за собой дверь. — Кто этот молодой танцовщик?

— Это наш носильщик...

— Василий, не стоит со мной играть в игры. Это артист кордебалета, иначе у него не было бы времени подниматься во время основной репетиции в уборную к Нижинскому. Когда вы обнаружили тело?

— Еще утром...

— Я же сказал, не тратьте попусту мое время. Если бы тело пролежало тут весь день, оно было бы сейчас в другом состоянии. Когда и кто обнаружил тело?

— Я вошел сюда незадолго до премьеры. Это Гришка Чумаков, — выдохнул слуга.

— Кто еще был с вами?

— Ну...

— Вы не смогли бы сами отодвинуть туалетный столик, чтобы повернуть тело. Говорите, кто с вами был?

Василий молча посмотрел на Лемуара. В глазах его читался панический страх.

— Когда я вошел, тут был он, — слуга показал пальцем на труп. — А над ним сидеть Ваца... То есть Вацлав. Нижинский. У него на руках была кровь. Он очень пугаться. Я тоже пугаться. Но он не убить! Нет!

— Я знаю, что он «не убить». Если бы он «убить», то сидел бы в уборной вместе с орудием убийства.

Василий подошел к трупу и хотел показать, как сидел Нижинский. Но Лемуар его одернул:

— Ничего не трогайте. Это место преступления. Я должен вызвать сюда моих сотрудников из отдела Бертильона. Где у вас телефон?

— Но Сергей Павлович не разрешит!

— Здесь отдает приказы не Сергей Павлович, — перебил слугу Лемуар. — Когда вы обнаружили труп, он был уже голым?

— Нет.

— Зачем же вы его раздели?

— Так он это... Он был в костюме Вацы. В костюме Фавна. А Вацлаву нужно было выходить на сцену.

Это его личный костюм. Я позвать Сергея Павловича. Сергей Павлович велел Ваце и мне снять с Гришеньки трико и рога. Надо было переодеться для спектакля.

— Дягилев велел снять трико с трупа, чтобы Нижинский снова потом его надел? — воскликнул Лемуар.

— Д-да... Сегодня премьера. Первый спектакль Вацы как балетмейстера. Нельзя отменить. Нельзя допустить скандал! Ваца не убивать! Ваца потерять сознание на сцене! Его еле привести в чувство и проводить в коридор.

Лемуар ответил не сразу.

— Вы слышали выстрел?

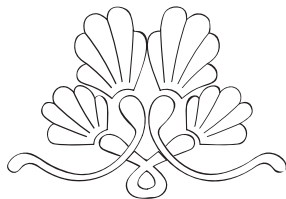
— Нет.

Это было странно. Не услышать выстрел, когда стреляли не через подушку, было сложно. Лемуар снова взглянул на тело. Григорий Чумаков продолжал смотреть на него невидящими глазами.

— Телефонуйте Марселю Пизону в парижскую префектуру полиции. Скажите, что это Лемуар, дело чрезвычайной важности. Пусть пришлет сюда микробов. Он поймет, — так Лемуар называл экспертов из отдела Бертильона. — Где сейчас Нижинский?

— Наверное, он сейчас поприветствует публику и пойдет переодеться.

— Что? Его в любой момент могут убить, какое еще «поприветствовать публику»?

Кто это?

Ленуар спустился на второй этаж и окунулся в бархатный мир непринужденных декольте, белых перчаток и страусовых перьев. Их обрамляли благородные черные фраки и смокинги. В противоположной стороне зала появился потный Нижинский.

Артист замер, обводя взглядом публику. Его губы дрогнули в сомнении: улыбнуться или нет? Одни зрители притихли и с любопытством рассматривали зверя. Другие явно сдерживали смешки. Третьи ставили на подносы бокалы с шампанским и шли поздравлять звезду русского балета. Весь этот улей гудел, звенел и готовился ужалить. Ленуара отделяли от Нижинского десять метров, но толпа перед ним смыкалась все плотнее.

Ленуар в первый раз видел танцовщика так близко и мысленно на ходу нарисовал его карикатуру. У гения танца была длинная толстая шея. На ней качалась большая голова, казавшаяся еще больше из-за массивных рогов костюма. Мускулистые ноги поддерживали аморфное, но крепкое тело. Экзотичности образу добавляли слегка раскосые горящие глаза и короткие пальцы рук. Сложно было поверить, что этот парень только что был на сцене римским богом.

— Как он красив! — раздался знакомый голос. Ленуар обернулся. За ним стояла Николь, а с ней — девушка в пестром костюме.

— Познакомься, это Люси Жанвиль, артистка французской пантомимы «Русского балета» и моя бывшая коллега, — уставшим голосом сказала Николь. — А ты был... здесь?

Люси не видела Ленуара, она шла к Нижинскому. Ленуар кивнул Николь и, как корабль, рассекающий волны, тоже пошел к танцовщику. Василий держался рядом. Толпа с аплодисментами расступалась перед артистом балета, он поклонился и направился в коридор. Николь застыла на месте и с удивлением наблюдала за происходящим.

В коридоре к Нижинскому подошел еще один господин. У него были резко очерченные квадратные брови и узкие губы. Господин затараторил что-то по-русски танцовщику на ухо. Взгляд Нижинского блуждал, а грудь часто вздымалась, словно он до сих пор не спустился со своей скалы.

— Это главный балетмейстер «Русских сезонов» Михаил Фокин! — сказала Люси Жанвиль, проследив за взглядом Ленуара. — Я так его люблю! Ему сейчас, как никогда, нужна дружеская поддержка!

— Кому? Балетмейстеру?

— Вацлаву.

— Вася! — раздался рядом крик. На него одновременно обернулись и слуга Василий, и Вацлав Нижинский. Кричал сухой худенький молодой человек. Волосы его топорщились в разные стороны, а благородная осанка подчеркивала гибкость тела. Если бы он не румянил бледные щеки и не подкрашивал губы, его можно было бы отнести к парижскому бомонду. А так он явно принадлежал к другой, более артистической породе жителей города. — Как ты себя чувствуешь? Ты живой? Ты меня очень напугал!

— Кто это? — уже машинально спросил Ленуар у танцовщицы. — «И откуда ему известно про убийство?» — добавил про себя Ленуар.

— Это Кокто. Жан очень дружен с Дягилевым, — отмахиваясь от агента Безопасности, ответила Люси.

— Опять эта тетка! — громко хмыкнул по-русски Фокин, поравнявшись с Ленуаром.

Сыщик провел указательным пальцем по усам и сделал последние два шага, разделяющие его с Нижинским.

— Мсье, срочно уходите отсюда. Вашей жизни угрожает опасность! — при этом Ленуар подхватил Нижинского под руку и приготовился его вести наверх.

— Вацлав! Вацлав! Как ты? Я очень за тебя волновалась. Ты был великолепен! Публика в восторге. Все тебя любят, Вацлав! Невероятный успех! — кричала по-французски недавняя спутница Ленуара. Танцовщик смотрел на них непонимающими глазами.

— Люси, благодарю, но сейчас Вацлаву надо отдохнуть и переодеться, — остановил ее Кокто. — О «Фавне» мы еще успеем поговорить. Пропусти.

— Вацлав, я буду тебя ждать после «Жар-птицы»! Ты величайший артист балета! Никогда об этом не забывай! — девушка хотела сказать еще что-то, но ее за пояс схватил облысевший, а от этого казавшийся еще более лопухим мужчина.

— Люси, не позорься, пойдем отсюда. Ты вытащила меня на балет не для того, чтобы я участвовал в этом балагане, — сказал он девушке.

— Ах, это мой брат, Эрнест Мари Жанвиль. Он сегодня в первый раз согласился прийти посмотреть на меня в «Синем боге». Эрнест, позволь, я сейчас вернусь! — Однако Эрнест крепко сжал руку на поясе сестры и не позволил. Категорически не позволил ей следовать за Вацлавом дальше. Девушка дернулась и крикнула танцовщику: — Вацлав! Ты величайший! Береги себя!

Ленуар повел Нижинского наверх. Кокто с Василием не отставали. В конце последнего лестничного пролета над ними нависла огромная фигура русского импресарио. На макушке у него, бросая вызов закону притяжения, возвышалась шляпа. Она казалась

очень маленькой, но при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что не шляпа была маленькой, а голова огромной. У человека были опустившиеся вниз внешние уголки глаз и такой же опустившийся живот, отчего он напоминал отъезвшего бульдога. Он опирался на трость рукой, украшенной несколькими крупными кольцами, и нервно покусывал губу. От этого ниточка его усов изгибалась черным дождевым червячком.

— Серж, с Вацлавом все в порядке! Мы его уже ведем переодеваться! Костюм Василий вынес в коридор, к началу спектакля успеваем! — крикнул Кокто.

— Веди Вацлава в Мишину уборную, — ответил Дягилев, обращаясь к слуге.

— А почему он не может переодеться у себя в уборной? — спросил Кокто.

— Жан, у Вацлава разбили зеркало, — ни капли не сомневаясь в собственных словах, сказал Дягилев. — Ты пойди пока послушай, что там говорят о «Фавне». Сегодня для нас важный вечер.

— А что эти дилетанты в искусстве могут говорить о «Фавне»? В этом году у нас в театре собрался не Париж, а провинция! Они не будут говорить о «Фавне». Они отмахнутся от него, как от докучливой мухи.

Нижинский словно пришел в себя и резко повернулся к Кокто.

— Что ты сказал?

— Жанчик, иди послушай. Может, не все жужжат об одном и том же. В таких делах важны нюансы. Тебя ли этому учить? — французский Дягилева походил на граммофонную пластинку: слова звучали правильно, но царапали слух шершавыми звуками. Ленуар мысленно согласился, что нюансы важны.

Кокто перевел взгляд на Нижинского, потом снова на Дягилева и, кивнув им обоим, ретировался. Только

после этого Дягилев отступил, пропуская вперед своего первого танцовщика и остальных.

— Кто это? — спросил он у мадемуазель Нижинской, показывая на Ленуара пухлым пальцем.

— Это господин полицейский, Сергей Павлович, — ответил Василий.

По последнему этажу бегали артисты балета. Дягилев взял трость в руки и громко хлопнул три раза в ладоши.

— Десять минут до спектакля! — Его голос пролетел, как коршун над полем овец. Слова импресарио в переводе не нуждались. Все артисты разбежались, и через пару секунд коридор опустел.

Василий достал из кармана связку ключей и повел Нижинского в одну из уборных. Видимо, уборную хореографа Фокина. По дороге старик взял стул, на котором висел костюм танцовщика к следующему спектаклю. Ленуар хотел было пойти за ними, но Дягилев остановил его своей тростью. Черный взгляд русского импресарио тяжело опустился на сыщика. Но черный был частью природы Габриэля Ленуара. «Черным» его назвали при рождении, поэтому взгляд Дягилева не произвел на него впечатления.

— Господин полицейский, я попросил Василия вызвать квартального или гвардейца, который помог бы нам вынести тело убитого из уборной Вацлава. Но, кажется, вы не выполнили своего долга.

— Мой долг — служить интересам Французской Республики, — спокойно ответил Габриэль Ленуар. — Здесь произошло предумышленное убийство, и теперь этим делом займется бригада краж и убийств парижской префектуры полиции.

— Тогда вызовите шефа вашей бригады, — поглаживая свои перстни, ответил Дягилев.

— Мой главный начальник — префект полиции Луи Лепин. Думаю, вы о нем слышали. Если вы настаиваете, я могу обратиться к нему за помощью.

— Нет-нет... Погодите... Вы неправильно меня поняли. Возьмите мою визитку. Дело очень деликатное. Труп нашли в уборной Нижинского накануне премьеры. «Фавн» и так взбудоражил умы, давайте постараемся избежать скандала. Если о трупе узнают газетчики, то придется отменять на время расследования весь русский сезон, а я не могу этого позволить, господин...

— Ленуар. Габриэль Ленуар.

— Мсье, возьмите вот. — Дягилев достал из кармана несколько скомканных банкнот и протянул этот шарик своему полному сюрпризов собеседнику. — Это вам. Помогите нам утрясти это дело без шума.

Агенту Безопасности случалось оказываться на мели, но если по части трат он был импульсивен и неразборчив, то по части источников своего дохода признавал только легальные с его точки зрения. К подобным источникам относилась оплата за службу, выигрыши в карточных и других играх и, наконец, кошелек родного дяди Леона Дюрока. В общем, главным критерием добросовестно заработанных денег для Ленуара были выдуманные им самим правила получения этих денег. А в данном случае правила диктовал не он, а русский импресарио с большой головой и тонкими усами, поэтому принять деньги на таких условиях сыщик категорически не мог. Он благородно отодвинул руку Дягилева в сторону и сказал:

— Я агент Безопасности парижской префектуры полиции, мсье, я всегда действую без шума. И обещать вам могу только одно: убийцу танцовщика я найду. А вы сделайте все необходимое, чтобы сбереечь вашего Фавна. Убийца метил в него, и то, что пуля попала в голову другого артиста балета, — чистая случайность.

Дягилев медленно кивнул и с усилием улыбнулся, обнажая свои крокодильи зубы.

— Договорились. Занимайтесь своими делами, а Нижинским займусь я. Что вам от меня требуется?

— Соберите всю труппу завтра перед репетицией в театре, чтобы я смог их допросить, а также позвольте мне поговорить с самим Вацлавом Нижинским и его сестрой.

— Броней? А при чем тут Броня? С Вацлавом говорить не нужно. Ему без того сейчас приходится тяжело. Фокина я тоже попрошу завтра подождать вас в отеле. А труппу я вам соберу. В театре. Только, может, не стоит им сразу рассказывать об убийстве...

Вместо ответа Ленуар попросил дать ему ключ от уборной Нижинского, чтобы организовать работу «микробов». Уже у двери уборной Дягилев снова окликнул сыщика. Чуть помедлив, он спросил:

— А вы уверены, что Чумакова убил не Вацлав? Мне очень важно это знать...

— Я не уверен даже в том, что Чумакова убили не вы, — ответил Ленуар.

Через несколько минут спектакль продолжился, а в уборной Нижинского уже суетились «микробы» из отдела сигнализации. Они аккуратно складывали в деревянные ящички стаканы и коробочку с гримом, вытягивали линейку вдоль трупа и фотографировали его с переносной лестницы.

